YUDIN COLLECTION
DK30
.P76
Copy2

МУРАНСКІЙ МОГИЛЬНИКЪ.

ИЗСЛѢДОВАНІЕ

В. Н. Поливанова.

SURPLUS DUPLICATE

Высочайше утв. Т-во Скороп. А. А. Левенсонъ. Москва, Петровка, д. № 22.
1896.

CYR

C 4R

МУРАНСКІЙ МОГИЛЬНИКЪ.

ИЗСЛѢДОВАНІЕ

В. Н. Поливанова.

Высочайше утв. Т-во Скороп. **А. А. Левенсонъ**. Москва, Петровка, д. № 22.
1896.

DK30
.P76
Copy2

Дозволено цензурою. Москва, 20 іюля 1896 г.

363.75094746
P759m

ВВЕДЕНІЕ.

Занимаясь раскопками Муранскаго могильника по порученію Императорской Археологической Коммиссіи съ 1890 г., въ разное время я изслѣдовалъ 377 могилъ, изъ которыхъ, исключая бусъ, добыто различныхъ предметовъ старины свыше 1400 №№. На эту работу употреблено 16 дней и 320 человѣкъ рабочихъ. Число могилъ будетъ гораздо значительнѣе, если считать всѣ встрѣчавшіяся пустыя и разрушенныя, на описаніи коихъ я, за неимѣніемъ времени, не останавливался. Нельзя также не замѣтить, что Муранскій могильникъ далъ бы еще болѣе обильные результаты, если бы тѣ же рабочія руки одновременно не были отдѣляемы на другія мѣста, гдѣ предполагалось открытіе зданій или вообще слѣдовъ осѣдлости. Признаковъ бывшаго тутъ нѣкогда обширнаго поселенія встрѣчается такъ много, что, установивъ приблизительно въ первый мой пріѣздъ его границы, я во второй разъ сдѣлалъ планъ на площадь могильника съ прилегающею къ нему мѣстностью, при чемъ оказалось, что пространство это занимаетъ около 400 десятинъ. Насколько разбросанными представлялись здѣсь слѣды культурнаго слоя, можно судить по тому, что надмогильный камень съ татарскою надписью открытъ былъ въ 150 саж. отъ могильника; основаніе каменнаго зданія—по прямому направленію на-ю.-з. въ 310, а легкая возвышенность къ с.-з.; гдѣ встрѣчаются въ боль-

шомъ количествѣ черепки глиняной посуды,—отстоитъ болѣе, чѣмъ на версту. Въ виду такой обширности поля изслѣдованія, я остановился на трехъ только пунктахъ, какъ наиболѣе доступныхъ и богатыхъ археологическимъ матеріаломъ: а) могильникѣ, б) развалинахъ каменнаго зданія и в) площади, гдѣ открыта была каменная надгробная плита. Раскопки могильника, хотя и произведены на значительномъ пространствѣ, тѣмъ не менѣе еще не могутъ считаться оконченными, такъ какъ съ с.-в. стороны гробницы встрѣчаются довольно часто. Съ другихъ же 3-хъ сторонъ,—въ виду полнаго отсутствія признаковъ погребенія,—дальнѣйшія раскопки должны считаться оконченными. Остальныя два мѣста изслѣдованы, но по результатамъ не представляютъ въ связи съ древностями могильника особаго значенія. Открытіе Муранскаго могильника, какъ и многихъ ему подобныхъ, произошло совершенно случайно. Лѣтъ 12 тому назадъ арендатору удѣльной мельницы потребовалась для исправленія плотины земля, для чего онъ обратился съ просьбою объ отводѣ мѣста къ мѣстному удѣльному начальству. Недолго пришлось землекопамъ работать, какъ они наткнулись на деревянные гробы - колоды, столь продолжительное время служившіе имъ обильнымъ источникомъ дохода. До 1889 года лучшая и значительная часть могильника пошла на устройство плотины и такимъ образомъ пропала безслѣдно. Только ВЫСОЧАЙШЕЕ повелѣніе 11 марта того же года спасло его отъ окончательнаго расхищенія. Даже и такіе тяжеловѣсные памятники, какъ каменная плита въ 60 пудовъ, были намѣчены къ увозу. Находившіяся на костякахъ металлическія украшенія изъ серебра направлялись рабочими въ г. Сызрань и продавались обыкновенно на сплавъ за безцѣнокъ. Въ первое мое посѣщеніе площади могильника на мѣстѣ выемки земли (брачи) я былъ пораженъ массой валявшихся костей, черепковъ, частей отъ косъ и обломковъ желѣз-

ной утвари. Какъ только было наложено запрещеніе, дѣло совсѣмъ измѣнилось, и, подъ вліяніемъ страха отвѣтственности, невозможно было не только ничего достать, но и узнать. Опытность муранскихъ землекоповъ въ дѣлѣ раскопокъ позволяетъ вести работу весьма успѣшно. Земля снимается на „штыхъ“, т.-е. на глубину лопаты полосой приблизительно въ ширину аршина; образовавшійся уступъ внимательно очищается на протяженіе всей занятой линіи, чтобы не завалить могущіе оказаться признаки, и если ничего не обнаруживалось, рабочіе снимали землю на второй и третій штыхъ, пока не доходили до материка. Земля при работѣ выбрасывалась на перевалъ, т.-е. на перекопанное мѣсто. Открываемыя въ разныхъ мѣстахъ гробницы осторожно окапывались со всѣхъ сторонъ, и во время перерыва работы дѣлалось ихъ изслѣдованіе, измѣреніе и разборъ найденныхъ при костякахъ вещей, изъ коихъ мелкія пропускались черезъ грохотъ. Порядокъ, которому я слѣдовалъ въ моемъ дневникѣ, заключался въ занесеніи подъ извѣстный № гробницы съ измѣреніемъ, если она представляла какую-нибудь особенность костяка, и съ занесеніемъ всѣхъ открытыхъ при немъ вещей. Отмѣчались, кромѣ того, стороны могильника, положеніе костяка и, по возможности, полъ и возрастъ. Нѣкоторыя принадлежности похороннаго ритуала, какъ, напр., косы, неизмѣнно встрѣчаются въ могилахъ женскихъ, бусы— преимущественно въ дѣтскихъ, а топоры большею частію служатъ отличительнымъ признакомъ мужского погребенія. Первое сообщеніе о могильникѣ сдѣлано было мною на VIII Археологическомъ Съѣздѣ въ Москвѣ. Древности его, бывшія на выставкѣ, обратили тогда на себя вниманіе ученыхъ не только русскихъ, но и заграничныхъ. Извѣстный французскій археологъ, занимающійся изученіемъ русскихъ древностей, Баронъ де-Бай въ „Révue Archéologique“ за 1890 годъ посвятилъ этому могильнику особую статью,

съ изображеніемъ нѣкоторыхъ болѣе выдающихся его древностей, подъ названіемъ „La Nécropole de Mouranka“. Въ извѣстіяхъ Казанскаго Общества Археол., Исторіи и Этнографіи за 1893 годъ былъ помѣщенъ мой очеркъ Муранскаго могильника, гдѣ въ сжатой формѣ переданы были по просьбѣ редакціи общіе результаты произведенныхъ раскопокъ. Въ настоящее время труды другихъ изслѣдователей аналогичныхъ памятниковъ отечественной старины въ Тамбовской и Пензенской губерніяхъ открыли много общаго съ древностями Муранскаго могильника и взаимно ихъ дополняютъ и объясняютъ. Въ заключеніе я считаю долгомъ упомянуть съ чувствомъ глубокой признательности о трудахъ по изслѣдованію Муранскаго могильника покойнаго нынѣ почетнаго члена археологическаго института А. В. Толстого, который своими опытными указаніями и знаніемъ историческаго прошлаго нашего Поволжья помогалъ мнѣ въ выясненіи встрѣчавшихся недоразумѣній.

Мѣстонахожденіе могильника, характеръ мѣстности и составъ ея населенія.

Муранскій могильникъ находится на землѣ удѣльнаго вѣдомства, въ Симбирской губерніи, въ 25 верстахъ отъ г. Сызрани, на рѣкѣ Усѣ, между селами Губинымъ, Сызранскаго уѣзда, и Муранской, Сенгилеевскаго. Уѣздную границу здѣсь составляетъ рѣка Уса, и, несмотря на то, что самый могильникъ лежитъ на Сызранской сторонѣ, его обыкновенно называютъ Муранскимъ, въ виду ближайшаго поселенія къ нему с. Муранки, находящагося въ 4 верстахъ. Площадь могильника лежитъ на берегу новаго протока р. Усы, подъ названіемъ „Прорана“, искусственно образованнаго въ концѣ 50-хъ годовъ арендаторомъ удѣльной мельницы, отстоящей отъ могильника въ $1^1/_2$ верстахъ, на старомъ ея теченіи. Долина рѣки Усы отъ с. Шигонъ (10 вер. выше Муранки) до ея впаденія въ Волгу представляетъ обширную площадь, богатую черноземомъ, заливными лугами и по лѣвому теченію рѣки мѣстами хорошо сохранившимся сосновымъ лѣсомъ. Всѣ эти природныя богатства, несомнѣнно, должны были издавна обратить на себя вниманіе какъ кочевника, такъ впослѣдствіи и осѣдлаго населенія. Кромѣ того, оригинальное теченіе рѣки Усы, идущее на большомъ разстояніи параллельно Волгѣ въ противоположную сторону и подходящее къ ней около с. Перевалокъ на разстояніе всего 2-хъ верстъ, съ крутымъ поворотомъ на сѣверо-востокъ, послужило

здѣсь, какъ извѣстно, къ сокращенію пути по Волгѣ. Товары, во избѣжаніе обхода Самарской Луки, переволакивались въ мелкія лодки и по Усѣ спускались въ Волгу у с. Усолья. Правый берегъ Усы противъ могильника представляетъ легкую покатость къ с.-з. и съ восточной стороны замыкается грядою довольно высокихъ холмовъ, нѣкогда, судя по пнямъ, покрытыхъ лиственнымъ лѣсомъ. Курганныхъ насыпей по сосѣдству съ могильникомъ не встрѣчается; зато все пространство между старымъ и новымъ теченіемъ Усы представляетъ непрерывные слѣды бывшаго тутъ поселенія. Особенно этими признаками изобилуетъ такъ-называемая „Подвязочная Поляна“, гдѣ до сихъ поръ въ одномъ мѣстѣ существуетъ груда дикаго камня, свидѣтельствующая о существованіи здѣсь каменнаго зданія (планъ лит. е). Обращаясь къ указаніямъ этнографическимъ, мы видимъ, что преобладающее мѣстное населеніе русское переселилось сюда изъ сѣверныхъ губерній сравнительно недавно. Въ недалекомъ разстояніи отъ Муранки по Усѣ существуетъ до сихъ поръ немало поселеній чувашскихъ, какъ, напр., Малячкино (12 в.), Байдеряково (12 в.), Чуваши (15 в.) и друг. Народныя преданія и мѣстная топографія на каждомъ шагу напоминаютъ намъ о пребываніи въ Самарской Лукѣ монголовъ, а въ мѣстности могильника татаръ-ногайцевъ. До сего времени за селомъ Шигонами сохранилось названіе Ногайскаго Брода; урочище въ дачахъ сосѣдняго села Куськина носитъ названіе Ногайскаго Ключа, а впадающая въ Усу повыше могильника рѣка Тишерекъ, по древнимъ актамъ, передѣланная русскими въ Тимерекъ, происходитъ отъ татарскаго собственнаго имени Иштерекъ [1]). Всѣ, какъ существующія здѣсь и въ Лукѣ городища приписываются татарамъ, такъ и открываемые случайно клады состоятъ ис-

[1]) Тр. I Арх. Съѣз. 1869 г., т. II, стр. 562.

ключительно изъ монетъ татарскихъ [2]) XIV вѣка, и, несмотря на всѣ эти указанія, татарское населеніе здѣсь очень рѣдко, и по сосѣдству съ Муранкой его совсѣмъ нѣтъ. Появленіе впослѣдствіи русскихъ, которые мѣстнымъ памятникамъ даютъ часто свои названія, какъ, напр., Костычевское, Соввино, Крестовое и др. городища, еще болѣе затемняетъ ихъ первоначальное происхожденіе. Очевидно, что при выводахъ и заключеніяхъ приходится здѣсь быть крайне осторожнымъ. Во всякомъ случаѣ Муранскій могильникъ вводитъ изслѣдователя въ область весьма интересной, богатой, сосѣдней съ нимъ булгарской культуры. Не предрѣшая пока, какой изъ народностей онъ могъ принадлежать, мы перейдемъ къ описанію встрѣчающихся въ немъ формъ погребенія и того обильнаго бытового матеріала, который онъ далъ въ сравнительно короткое время нашихъ раскопокъ.

Способы погребенія.

Изъ 377 могилъ, изслѣдованныхъ и занесенныхъ въ дневники, мы только въ 2-хъ нашли слѣды возможнаго трупосожженія, при чемъ вмѣстѣ съ углями, золой и битыми черепками найдены были лошадиныя и другихъ животныхъ кости (Дн. 1892 г., №№ 60—64). Самые костяки плохо сохранились и, повидимому, лежали на доскахъ. Попадавшіяся гнилушки въ могилѣ № 64 не носили признаковъ пребыванія въ огнѣ, и, вообще, по этимъ даннымъ трудно еще безусловно признать, чтобы трупосожиганіе было въ обычаѣ на Муранскомъ могильникѣ. Если мы и встрѣчаемъ въ означенныхъ могилахъ присутствіе золы и углей, то не были

[2]) Въ 1891 г. около с. Губина, въ 3 верстахъ отъ могильника найденъ былъ весьма интересный кладъ, состоящій изъ 442 татарскихъ монетъ, пріобрѣтенный А. В. Толстымъ, который опредѣляетъ ихъ время отъ 1310 по 1365 г. по Р. Х.

ли это скорѣе остатки жертвеннаго костра, который приносился богамъ въ честь усопшаго при его погребеніи и затѣмъ слѣдовалъ за нимъ въ могилу. Гр. А. С. Уваровъ говоритъ по поводу погребенія у мерянъ, что можно предположить, что при погребеніи тѣлъ совершали посредствомъ огня разные обряды или жертвоприношенія, остатки которыхъ клали также въ могилу [3]). Весьма близкій по аналогіи могильникъ Лядинскій, въ Тамбовской губерніи, хотя и представляетъ несомнѣнные примѣры трупосожиганія, тѣмъ не менѣе не можетъ еще служить въ данномъ случаѣ подтвержденіемъ, такъ какъ тамъ, по сообщенію г. Ястребова, жженыя кости въ видѣ мелкихъ кусковъ, вмѣстѣ съ пепломъ, но безъ остатковъ угля и дерева, лежали слоемъ отъ $^1/_2$ до 1 вершка толщины и занимали пространство отъ 3 до 6 четвертей [4]), чего здѣсь мы ни разу не встрѣчали. Еще одна особенность. Могилы эти находились гораздо глубже въ землѣ, чѣмъ другія, и, находясь на сторонѣ могильника, примыкающей къ водѣ, были въ весьма близкомъ одна отъ другой разстояніи. Кромѣ того, присутствіе гробовъ-колодъ должно, мнѣ кажется, служить указаніемъ, что для Муранскаго могильника, въ томъ видѣ, какъ онъ до насъ дошелъ, кремаціонный обычай или миновалъ, или совсѣмъ не былъ извѣстенъ. Переходя къ другой формѣ погребенія въ деревянныхъ долбленыхъ гробахъ-колодахъ, какъ самому распространенному, мы должны замѣтить, что всѣ 375 гробницъ, или по характерному мѣстному названію „домовинки“, открытыя во время раскопокъ, находились на глубинѣ отъ 10 до 24 вершковъ отъ поверхности почвы и имѣли нѣсколько закругленную колодообразную съ крышкой форму. Въ этомъ предположеніи, кромѣ ихъ внѣшняго

---

[3]) „Меряне“, гр. А. С. Уварова. Тр. 1 Арх. Съѣз., т. I, стр. 691.

[4]) Мат. по Арх. Рос., изд. И. А. К. № 10, изд. 1893 г., стр. 14.

вида, насъ убѣждаетъ еще полное отсутствіе гвоздей и описанные гг. Алабинымъ и Ауновскимъ аналогичные способы погребенія въ могилахъ, открытыхъ при постройкѣ Оренбургской ж. дор. въ Самарской губ., на лѣвой сторонѣ Волги [5]), и въ Рыбинскомъ могильникѣ, Пензенской губ. [6]).

Третья форма погребенія, которую мы встрѣтили у камня съ татарской надписью [7]) (пл. лит. ж), заключалась въ отсутствіи при костякахъ вещей. Гробницы оказались истлѣвшими и на значительной глубинѣ—до 2 съ $^1/_2$ аршинъ. Слѣдуетъ упомянуть еще о встрѣтившейся единичной гробницѣ съ двойнымъ погребеніемъ,—повидимому, матери съ ребенкомъ (Дн. 1893 г., № 108). Открытые здѣсь два остова и предметы ясно свидѣтельствовали о своей принадлежности 2-мъ усопшимъ, какъ, напр., 2 косы, большой и дѣтской „казанки“, извѣстная дѣтская игра въ кости, мелкія бусы и серьги. Тождественный примѣръ наблюдалъ гр. Уваровъ въ одномъ изъ меряжскихъ кургановъ, около села Большая Брембола [8]). Одно погребеніе мы назвали „могилой всадника“. (Дн. 1892 г., № 12). Особенность ея заключалась въ томъ, что надъ гробницей открыто было довольно много лошадиныхъ костей, а при костякѣ, кромѣ кремня, огнива, 2-хъ монетъ татарскихъ и 2-хъ колецъ,—украшеніе конской сбруи и колокольчикъ. Присутствіе лошадиныхъ костей и зубовъ встрѣчалось въ муранскихъ мужскихъ погребеніяхъ довольно часто (Дн. 1893 г.). Извѣстно, какое важное значеніе имѣлъ конь въ кругу домашнихъ животныхъ. По свидѣтельству арабскихъ писателей, недостатокъ въ лошадяхъ у народовъ, жившихъ въ окрестностяхъ Волги, сдѣлалъ то, что верховой конь составлялъ рѣдкую собственность,

---

[5]) Тр. IV Арх. Съѣз. 1877 г., т. I, отд. I, стр. 4.

[6]) Пенз. Губ. Вѣд. за 1890 г., № 272.

[7]) Не разобранной по плохому состоянію сохранности.

[8]) Тр. I Арх. Съѣз. 1869 г., т. II, стр. 691, „Меряне“.

которой въ состояніи были владѣть только князья [9]). Очевидно, и здѣсь мы должны видѣть одно изъ погребеній какого-нибудь мѣстнаго вождя или начальника. Замѣчательно только, что стремена въ муранскихъ погребеніяхъ совсѣмъ не встрѣчаются.

Положеніе костяковъ наблюдалось преимущественно на правомъ боку, съ господствующимъ поворотомъ лицевой стороной на ю. и ю.-з. Было немало, впрочемъ, погребеній и на спинѣ, съ лицомъ вверхъ или съ обращеніемъ на востокъ. Подобное положеніе встрѣчено было преимущественно въ могилахъ у каменной плиты. Размѣръ костяковъ средній, и для взрослыхъ длина колебалась отъ 2 арш. 6 верш. до 2 арш. 12 вер. При сравненіи погребеній Лядинскаго и Томниковскаго могильниковъ мы видимъ, что тамъ почти всѣ скелеты лежали на спинѣ съ вытянутыми ногами, въ Муранскомъ же преобладающимъ положеніемъ было на боку, съ согнутыми ногами [10]). Положеніе рукъ было различно, въ большинствѣ случаевъ согнутымъ, при чемъ кисти рукъ приходились подъ висками, а если на спинѣ, то повыше тазовыхъ костей. Раздѣленіе погребеній по различію пола въ могильникѣ не наблюдалось.

Вещи похороннаго ритуала.

Обычай класть въ могилу любимыя вещи покойнаго, въ убѣжденіи, что онѣ ему понадобятся въ будущей жизни, очевидно, былъ въ полномъ ходу въ XIV в. у народности, оставившей Муранскій могильникъ. Изъ добытыхъ оттуда вещей мы получаемъ довольно обстоятельную картину не только ихъ внутренняго быта, но и указанія на характеръ,

---

[9]) Ibid., стр. 690.

[10]) Мат. по Арх. Рос., изд. И. А. К., № 10, изд. 1893 г., стр. 4 и 57.

религіозныя вѣрованія и занятія населенія. Излагая условія и обстоятельства, при которыхъ эти древности были открыты, мы параллельно сдѣлаемъ обозрѣніе со стороны ихъ формъ и аналогичныхъ имъ типовъ въ другихъ могильникахъ Россіи.

Головной уборъ. Косы.

1) Особенностью женскаго погребальнаго обычая является уборъ косы (рис. 1.) Способъ этотъ состоялъ въ слѣдующемъ: не отдѣленная коса умершей наматывалась на очищенный отъ коры дубовый или тальниковый прутъ, смотря по длинѣ косы, перевязывалась мѣстами бечевкой, обвивалась тонкимъ ремнемъ изъ сыромятины (не дубленой кожи) и за тѣмъ вкладывалась въ два дубовыхъ лубка, которые, въ свою очередь, обвивались еще болѣе тонкимъ ремнемъ, сплошь перевитымъ тончайшею серебряною проволокою. Мѣстонахожденіе косъ — всегда возлѣ черепа, смотря по тому направленію, какъ онъ былъ открытъ—сбоку, или подъ нимъ. Въ Лядинскомъ могильникѣ г. Ястребовъ нашелъ такія же точно косы въ числѣ 7 темно-русаго цвѣта, которыя лежали то подъ спиною, то на груди скелетовъ. Изъ этого видно, что косы по обычаю Лядинскаго могильника отрѣзались. Кромѣ того, тутъ же упоминается, что на одной косѣ найдено бронзовое украшеніе въ видѣ небольшого спиральнаго браслета, въ который она была продѣта [11]). Подобный же уборъ косы открытъ былъ г. Ауновскимъ при раскопкахъ Рыбкинскаго могильника у с. Рыбкина, Краснослободскаго уѣзда, въ Пензенской губерніи. «Откопанные женскіе скелеты», говоритъ г. Ауновскій, «рѣшительно всѣ свидѣтельствуютъ о большомъ уваженіи женской косы. Каждая коса была навита на деревянную палку и

[11]) Ibid., стр. 5.

сверхъ круто обмотана мѣдной проволокой; оттого-то во многихъ экземплярахъ превосходно сохранилась значительная часть волосъ изъ косъ». Далѣе онъ говоритъ: «кладбище тянулось почти на двѣ версты и раздѣлялось на двѣ половины,—мужскую и женскую. Всѣ трупы были обращены головами къ югу. . . . . Курганы, вѣроятно, служили для жертвоприношеній» [12]). Въ той же Пензенской губерніи мы встрѣчаемъ весьма схожія съ муранскими древностями въ древнемъ могильникѣ близъ с. Ефаева, на р. Мокшѣ, извѣстномъ подъ названіемъ «Ефаевскаго» кургана [13]). Обычай убора женской косы на Муранскомъ могильникѣ, повидимому, былъ общій какъ для взрослыхъ, такъ и дѣтей и не былъ исключеніемъ только для людей зажиточныхъ. Въ числѣ найденныхъ нами косъ—61—на долю дѣтей приходится 12; были могилы, гдѣ принадлежность опредѣлялась исключительно присутствіемъ косы. Сохранность волосъ въ муранскихъ косахъ поразительная; цвѣтъ ихъ обыкновенно темно-коричневый переходитъ нерѣдко въ черный. Длиною болѣе 7 верш. косъ мы не встрѣчали. Украшеніе косы издревле, какъ и до сихъ поръ, составляетъ особенность восточныхъ народовъ, а у насъ обычай этотъ крѣпко еще держится у инородцевъ. Проф. Смирновъ сообщаетъ, что мордовки-мокшанки свои волосы скручиваютъ вокругъ небольшой липовой палочки для устройства особаго головного убора въ родѣ башлыка, называемаго «тюрикомъ [14]). Нельзя не замѣтить, что мордва вообще имѣетъ особенный культъ косы, и длинныя густыя косы между мордовками не рѣдкость.

---

[12]) Пензенск. Губ. Вѣд. за 1890 г., № 272.

[13]) Ibid., № 274.

[14]) Изв. Казанск. Общ. А. И. и Эт., т. VII, изд. 1889 г., стр. 75, „Черемисы“.

Ткани.

2) Изъ предметовъ тканыхъ при костякахъ намъ попадались небольшіе куски грубаго посконнаго (изъ поскани) холста—преимущественно около головы—и лоскутки перегнившей шерстяной матеріи съ клѣтчатымъ рисункомъ темнобураго зеленоватаго цвѣта (Дн. 1890 г., № 5). Въ виду незначительности кусковъ трудно составить себѣ точное понятіе, къ какой части одежды ихъ слѣдуетъ отнести, но по аналогіи слѣдуетъ признать, что изъ этой ткани шились рубашки.

Графъ Уваровъ полагаетъ, что темнобурый цвѣтъ могъ произойти отъ долгаго пребыванія въ сырой землѣ или что эти ткани первоначально имѣли какой-нибудь темный цвѣтъ. Совершенно подобныя темнобурыя ткани были находимы въ литовскихъ и лифляндскихъ курганахъ [15]). Мы должны еще упомянуть о присутствіи въ нѣкоторыхъ гробницахъ подъ остовами войлока, преимущественно въ погребеніяхъ женскихъ (Дн. 1890 г., № 18).

Обувь.

3) Находимая въ могилахъ кожаная обувь (Дн. 1890 г., № 18) своею формою напоминаетъ обыкновенно крестьянскіе коты, а иногда широкій полусапогъ, называемый въ народѣ «босовикомъ». Сшиты они были толстой ниткой и всегда встрѣчаются парами у оконечностей ногъ.

Шейныя украшенія.

4) Шейныя украшенія представлены въ нѣсколькихъ видахъ—подвѣсокъ, значительномъ числѣ весьма разнообразныхъ бусъ и амулетовъ.

---

[15]) Тр. I Арх. Съѣз. 1869 г., т. II, стр. 731.

Самую замѣчательную изъ шейныхъ подвѣсокъ составляетъ золотой медальонъ подковообразной формы, длиною въ полтора вершка и вѣсомъ въ $14^1/_2$ золотниковъ чистаго золота. Находка этой крайне интересной вещи сдѣлана была случайно на муранскомъ кладбищѣ въ 1888 году. Къ сожалѣнію, никакихъ подробностей объ ея положеніи и другихъ одновременно съ нею открытыхъ вещахъ неизвѣстно. Вещь эта нашедшимъ была продана одному изъ сосѣднихъ землевладѣльцевъ, отъ коего я, по порученію Императорской Археологической Коммиссіи, пріобрѣлъ ее для собранія Императорскаго Эрмитажа (рис. 2-й). Средину выпуклаго медальона занимаетъ пустота, которая, несомнѣнно, заполнялась, выпавшимъ изъ нея камнемъ. Вокругъ камня идетъ тонкая ажурная работа и два ряда какъ бы ниспадающихъ нитокъ, наподобіе бисера, симметрично расположенныхъ городами шариковъ. Обѣ стороны подвѣски отдѣланы совершенно одинаково, и бока ихъ крѣпко спаяны нѣсколько ниже краевъ поверхностей такъ, что въ промежуткѣ пропущена того же характера, какъ и кругомъ камня, ажурная работа. Къ верхнимъ концамъ медальона прочно и красиво укрѣплены два прямыхъ ушка, по срединѣ покрытыхъ ниткой изъ того же золотого бисера и въ концахъ представляющихъ широкія отверстія для пропуска шнурка. Тождественныя 2 шейныя золотыя подвѣски находятся въ Москвѣ: одна—въ Оружейной палатѣ (№ 3391), подъ названіемъ «гривны» (подвѣски), другая—въ Румянцевскомъ музеѣ, гдѣ мы имѣли

Рис. 2.

случай ее видѣть, благодаря любезности уважаемаго хранителя этихъ сокровищъ Г. Ф. Филимонова въ его рабочемъ кабинетѣ. Изъ описи относительно первой подвѣски мы узнали, что вѣсъ ея 23 золотника, мѣра въ длину вершокъ съ $^1/_8$, при толщинѣ вверху $^6/_8$ вершка. Найдена она въ землѣ Самарской губерніи, на лѣвомъ берегу Волги, близъ с. Кайбелы и пріобрѣтена отъ купца Пискарева въ 1851 году. Что же касается второй подвѣски Румянцевскаго музея, то, по словамъ г. Филимонова, она происходитъ изъ той же мѣстности и пріобрѣтена въ 1853 году. Въ описаніи симбирскаго городища К. И. Невоструева есть слѣдующее извѣстіе о происхожденіи этихъ подвѣсокъ: „Въ 1851 году при селѣ Кайбелѣ рыбаки нашли въ Волгѣ весьма древнюю, хорошей работы, золотую цѣпь съ бляхою, которая, какъ мы достовѣрно знаемъ отъ симбирскихъ очевидцевъ, украшена была мусіею, зернами и двумя золотыми подвѣсками. Она представлена была покойному Государю Императору Николаю Павловичу, и Его Величество, наградивъ поднесшаго деньгами и золотыми часами, приказалъ самую цѣпь хранить въ Московской Оружейной палатѣ, гдѣ она, подъ именемъ булгарской гривны, заняла одно изъ первыхъ мѣстъ между рѣдкостями Палаты“.

На послѣдней выставкѣ Виленскаго Археологическаго Съѣзда въ 1893 г. тождественная съ муранской подвѣской, но нѣсколько менѣе была выставлена изъ раскопокъ въ Области Войска Донского, при чемъ въ промежуткахъ между стѣнками вставлена была эмаль. Въ коллекціи г. Хайновскаго, изъ Кіева, на той же выставкѣ находились такой же величины и формы золотыя подвѣски, найденныя въ курганахъ Фанагоріи въ 1856 году, на ст. Сѣнная, Кубанской Области. Въ 3 выпускѣ «Русскихъ Древностей», изданія гр. Толстаго и Кондакова, мы находимъ аналогичнаго типа золотыя серьги, найденныя въ 1868 году въ окрестностяхъ г. Таган-

рога [16]). Составители замѣчаютъ, что серьги эти, въ видѣ дутыхъ изъ золота калачиковъ, усыпаны 10 бисерными нитями; своимъ видомъ очень напоминаютъ извѣстныя кіевскія подвѣски; два ушка, прикрѣпленныя къ нимъ, указываютъ, что черезъ нихъ проходило колечко для продѣванія въ ухо. Изъ отчета Императорской Археологической Коммиссіи за 1893 годъ (стр. 9, рис. № 9) видно, что производившій раскопки въ Кубанской области, близъ колоніи Михаэльсфельдъ, г. Думбергъ открылъ пару весьма схожихъ золотыхъ «ушныхъ» подвѣсокъ, круглыхъ, убранныхъ зернью и эмалью. Что касается назначенія этихъ подвѣсокъ, то, кажется, ихъ слѣдуетъ считать скорѣе украшеніями грудными или шейными, но никакъ не ушными. Какъ подвѣска, найденная въ с. Кайбулахъ, такъ и здѣсь онѣ открыты были вмѣстѣ съ золотыми цѣпями, къ которымъ, несомнѣнно, составляли необходимое дополненіе. Изъ приведенныхъ примѣровъ видно, что золотыя подвѣски носили на цѣпяхъ и на шнуркѣ и по цѣнности металла и работы онѣ составляли богатое шейное украшеніе. Появленіе аналогичныхъ, столь рѣдкихъ древностей на почвѣ волжскихъ булгаръ и въ предѣлахъ Босфора Кимерійскаго подтверждаетъ еще разъ мысль о существованіи оживленныхъ торговыхъ сношеній между этими дальними окраинами. Вопросъ, кто кого снабжалъ подобными предметами высокой художественной работы, очевидно, долженъ быть разрѣшенъ въ пользу послѣдняго, посылавшаго свои произведенія роскоши Булгару, служившему въ X и XI вв. важнымъ рынкомъ для азіатскихъ товаровъ юго-восточной Руси. Кромѣ описанной золотой подвѣски, открыта была еще одна серебряная квадратной формы (см. от. И. А. К. за 1893 г., стр. 26), при чемъ съ верхней наружной стороны она покрыта характернымъ

---

[16]) Стр. 141, рис. 171.

булгарскимъ стилемъ (зернью) симметрично расположенныхъ городками шариковъ и въ срединѣ, вмѣсто камня, украшена кусочкомъ зеленаго изразца (Дн. 1893 г., № 34). Послѣдній встрѣчается вообще весьма часто въ серебряныхъ издѣліяхъ булгарскаго производства. Въ могилѣ (№ 36 Дн. 1893 г.) найдена была серебряная привѣска въ видѣ полумѣсяца, обращенная рогами внизъ, съ тѣмъ же бисернымъ орнаментомъ, припаянными шариками, расположенными треугольниками. Подобная восточная форма привѣсокъ встрѣчена была съ болѣе роскошною отдѣлкою въ мерянскихъ могилахъ гр. Уваровымъ [17]) и во многихъ другихъ могильникахъ Россіи и за границей [18]). Бусы (рис. №, 3, 4 и 5), повидимому, составляли весьма распространенное украшеніе. Господствующій ихъ видъ: глиняныя, темносиняго цвѣта. Немало встрѣчено было бусъ стеклянныхъ (Дн. 1891 г., № 30 и № 44), сердоликовыхъ (Дн. 1891 г., № 30 и 81), дутыхъ металлическихъ, серебряныхъ (Дн. 1891 г., № 20, рис. № 3) и изъ морскихъ раковинъ Сургеа (рис. № 4, дн. 1891 г., № 31). Послѣднія, какъ извѣстно, служили на востокѣ въ качествѣ монеты и вывозились изъ Индіи [19]). Въ могильникахъ онѣ встрѣчаются почти повсемѣстно, не исключая Кавказа, и до сихъ поръ составляютъ еще предметъ пронизокъ для ожерелій у чувашъ и мордвы. Нѣтъ ни одной женской, а особенно дѣтской могилы, гдѣ бы не было открыто бусъ. При дѣтскихъ костякахъ встрѣчаются большею частію мелкія бусы (рис. № 5) (Дн. 1893 г., № 39). Были случаи нахожденія въ могилѣ и по одной бусинѣ большого размѣра (Дн. 1893 г., № 39). Амулеты (рис. № 6 и 7), находимые въ муранскихъ древностяхъ

---

[17]) Тр. I Арх. Съѣз. 1869 г., т. II, стр. 661.

[18]) Мат. по Арх. Рос., изд. И. А. К., № 10, изд. 1893 г., стр. 34.

[19]) Марко Поло. Путешест. Русск. Пер. Спб., изд. 1873 г., стр. 138, 139, и 141.

носились, повидимому, съ бусами на шеѣ и заключались изъ небольшого куска кости, зуба или когтя волка или медвѣдя, отдѣланныхъ въ серебряную лентообразную оправу (Дн. 1893 г., № 95). Аналогичные имъ типы встрѣчаются въ раскопкахъ могильниковъ Лядинскаго [20]), Люцинскаго [21]) и другихъ. Въ собраніи древностей изъ Муранскаго могильника г. Келлера въ числѣ амулетовъ находится клыкъ волка или собаки въ красивой оправѣ, украшенный самоцвѣтнымъ камнемъ краснаго цвѣта.

Серьги.

5) Серьги въ погребеніяхъ Муранскаго могильника встрѣчаются весьма однообразной формы, преимущественно въ видѣ колечекъ изъ серебряной гладкой проволоки (рис. № 8), чѣмъ онѣ напоминаютъ типъ старыхъ славянскихъ височныхъ колечекъ. Размѣръ ихъ колеблется по возрастамъ усопшихъ, и въ мужскихъ могилахъ серьги совсѣмъ не попадались. Покупкой мнѣ удалось пріобрѣсти одну серьгу колечкомъ, изъ гладкой золотой проволоки, другую изъ сплава оригинальной работы, съ пятью на цѣпочкахъ подвѣсками. Во время пребыванія нашего въ Муранкѣ въ нынѣшнемъ году, одинъ изъ крестьянъ продалъ случайно найденную имъ на берегу Усы серебряную серьгу совершенно новой, не встрѣчавшейся намъ при раскопкахъ могильника формы. Толстая серебряная проволока, нѣсколько сплюснутая (вѣроятно, для удобства продѣванія въ уши), припаяна къ продолговатой изъ того же металла пустой бусинѣ, украшенной по срединѣ тонкимъ веревочнымъ орнаментомъ (рис. № 9). Тѣмъ-же украшеніемъ снабжены и концы въ мѣстахъ

---

[20]) Мат. по Арх. Рос., изд. И. А. К. № 10, изд. 1893 г., стр. 6.

[21]) Ibid., № 14, изд. 1893 г., вып. 2, стр. 27.

украшенія проволоки, при чемъ съ одного конца она отгибалась, а на другомъ запиралась на маленькую кнопку. По формѣ и размѣру серьга эта близко напоминаетъ типъ мерянскихъ серегъ, изображенныхъ въ текстѣ II т. тр. перв. Арх. Съѣзда въ Москвѣ, на стр. 736. Гр. Уваровъ полагаетъ, что обычай украшать себя серьгами и височными кольцами былъ заимствованъ съ востока и у мерянъ былъ общій для мужчинъ и женщинъ. Доказательство своего предположенія онъ видитъ въ уменьшеніи числа этихъ предметовъ въ курганахъ по мѣрѣ удаленія отъ востока на западъ. Тождественнаго вида и размѣра двѣ пары серегъ найдены были въ Сызранскомъ уѣздѣ у села Жемковки; рисунокъ ихъ изображенъ на 120 стр. Отч. Им. Арх. К. за 1890 г.

Ручныя украшенія.

6) Изъ ручныхъ украшеній мы должны указать на: а) браслеты, б) перстни и в) кольца.

а) Всѣ браслеты муранскихъ могилъ, до сихъ поръ встрѣчались почти исключительно изъ серебра и имѣютъ четыре опредѣленныя формы: гладкой проволоки, витой въ родѣ шнурка (рис. № 10), составленной изъ трехъ рядовъ колецъ, взаимно переплетенныхъ, съ расплюснутыми концами, украшенными гравированнымъ рисункомъ, и четвертый плоскій, широкопластинный, нѣсколько выпуклый и суживающійся къ концамъ. Браслеты находимы были въ могилахъ женскихъ и дѣтскихъ (Дн. 1891 г., №№ 8, 16, 19, 30). Случалось, что на женскомъ костякѣ браслеты встрѣчались на каждой рукѣ по одному, а при нѣкоторыхъ и болѣе (Дн. 1891 г., № 95). Форма браслетовъ Муранскаго могильника напоминаетъ браслеты булгаръ и нѣкоторые образцы изъ Лядинскаго могильника [22]). Особенно красива модель

[22]) Ibid., № 10, стр. 36.

изъ переплетенныхъ въ 3 ряда колецъ, которую, кажется, слѣдуетъ признать по работѣ за одинъ изъ лучшихъ образцовъ древняго ювелирнаго искусства (рис. № 11). Весьма схожій съ нимъ типъ описанъ Г. Лихачевымъ изъ золота, найденный въ 1882 году около пригорода Билярска, Казанской губ., въ числѣ другихъ золотыхъ вещей, составлявшихъ драгоцѣнный кладъ [23]).

б) Перстни изъ сплава встрѣчаются въ могилахъ мужскихъ и женскихъ и представляютъ до 5 разновидностей. Одинъ орнаментъ на круглыхъ перстняхъ (Дн. 1891 г., №№ 19, 65 и 98), въ формѣ креста изъ шариковъ съ украшеніями по бокамъ изъ болѣе мелкихъ, расположенныхъ въ извѣстномъ елочномъ порядкѣ, указываетъ какъ будто на существованіе среди муранскихъ насельниковъ слѣдовъ христіанскаго просвѣщенія (рис. № 12). Подобный же орнаментъ встрѣчался на перстняхъ въ могильникахъ Пичпандскомъ и Казбекскомъ, Наровчатскаго уѣзда, Пензенской губ. Весьма обыкновенная форма четырехъугольная по большой части сопровождалась на мѣстѣ печати неопредѣленнымъ рисункамъ, безъ измѣненія встрѣчавшимся и во всѣхъ подобной формы перстняхъ (рис. № 13). Интересны еще два вида перстней,—одинъ ажурной работы въ видѣ половинки татарской пуговицы (рис. № 14), а другой пріобрѣтенный нами покупкою тождественной формы, но глухой, осыпанный тѣми же мелкими бисерообразными шариками въ елочномъ расположеніи съ 4 сторонъ. Остается еще упомянуть о случайно пріобрѣтенномъ мною массивномъ серебряномъ перстнѣ (рис. № 15), найденномъ гораздо ранѣе нашихъ раскопокъ наМуранскомъ могильникѣ, съ интереснымъ орнаментомъ по бокамъ кольца и русскою надписью кругомъ вставленнаго въ срединѣ камня или, скорѣе, цвѣтного стекла. Надпись эта

---

[23]) Тр. VII Арх. Съѣз. въ Ярославлѣ, 1887 г., т. II, стр. 169.

сдѣлана вязью, КОСТ⍓NTHNOBЪ и, повидимому, должна читаться „Константинова печать.“ Весьма возможно допустить, что перстень этотъ какимъ-нибудь образомъ проникъ отъ русскаго владѣльца на Муранское городище и здѣсь сдѣлался достояніемъ одного изъ его обитателей.

в) Кольца изъ серебра и сплава составляютъ болѣе принадлежность могилъ женскихъ и дѣтскихъ. Никакихъ особенностей въ своихъ образцахъ не представляютъ. На многихъ изъ нихъ на мѣстѣ печати выгравировано волнообразное продольное украшеніе, и разнообразія въ нихъ не встрѣчается. Въ дѣтскихъ могилахъ (Дн. 1890 г., № 26) намъ приходилось находить чрезвычайно маленькія колечки, такъ что обычай носить кольца присущъ уже былъ самому раннему дѣтскому возрасту.

Поясныя украшенія.

7) Столь излюбленные и распространенные въ могильникахъ поясные наборы (рис. 16) на муранскомъ кладбищѣ, исключая подвѣсокъ—сюльгамъ, сравнительно довольно рѣдки. Изъ числа открытыхъ обращаетъ на себя особенное вниманіе поясъ изъ могилы № 79 (Дн. 1891 г.), гдѣ на круглыхъ изъ бронзоваго сплава бляшкахъ (пуговицахъ) находимъ изображеніе миѳическаго „грифона“ (рис. № 17). Разсматривая аналогичныя поясныя украшенія другихъ могильниковъ, мы нигдѣ не встрѣтили этого орнамента. Если изображенный на муранской бляшкѣ грифонъ и грѣшитъ нѣсколько противъ извѣстнаго описанія этого фантастическаго животнаго Плиніемъ Старшимъ, тѣмъ не менѣе и въ его рисункѣ, несомнѣнно, отразилось вліяніе требованій скифскаго производства. Были ли эти металлическія украшенія про-

изводства мѣстнаго по образцамъ скифскимъ, или онѣ проникли въ землю волжскихъ булгаръ путемъ сношеній торговыхъ—вопросъ остается нерѣшеннымъ, но тѣмъ не менѣе весьма интереснымъ. Къ числу другихъ украшеній поясныхъ, встрѣчающихся въ огромномъ числѣ въ погребеніяхъ Муранскаго могильника (всегда около мѣста пояса), слѣдуетъ отнести „шурки"—подвѣски съ пряжками (сюльгамы) и безъ нихъ, большею частію серебряныя, съ характернымъ опять орнаментомъ серебряныхъ шариковъ, расположенныхъ симметрично, въ формѣ угольниковъ и полосокъ (рис. №№ 18, 19 и 20). Подвѣски съ пряжками попадаются рѣже; зато безъ шпилекъ мы находимъ почти въ каждой могилѣ безъ различія пола и возраста. Подвѣски эти встрѣчаются также и изъ бронзоваго сплава, но тогда безъ указанныхъ украшеній. Въ статьѣ г. Аспелина, въ I т. Трудовъ IV Арх. Съѣзда въ Казани „О формахъ предметовъ и ихъ постепенномъ развитіи въ до-историческія времена", мы находимъ весьма близкій намъ типъ, по поводу коего ученый знатокъ финскихъ древностей замѣчаетъ: „эти пряжки чаще всего дѣлались изъ простой бронзовой проволоки, и самыя красивыя формы этого типа имѣютъ расплюснутое, рѣдко снабженное орнаментомъ кольцо изъ бронзы или серебра, по срединѣ котораго идетъ болѣе или менѣе выступающій край. У восточно-финскихъ племенъ этотъ типъ между тѣмъ далъ начало другому типу, который, кажется, принадлежитъ къ историческому времени, а именно—спирали на оконечностяхъ кольца удлинялись болѣе и болѣе и замѣнялись затѣмъ литыми висячими прутиками, которые, наконецъ, расплющивались и разнообразно украшались" [24]). Замѣчаніе это можетъ быть одинаково отнесено и къ пояснымъ подвѣскамъ муранскимъ. Н. Н. Харузинъ, описывая древности

---

[24]) Тр. IV Арх. Съѣзда 1877 г., т. I, стр. 15.

Томскаго музея, замѣчаетъ, что особенный интересъ представляютъ предметы украшенія, изъ которыхъ нѣкоторые могутъ служить доказательствомъ связи, существовавшей между культурами зап.-сибирской и той, которая намъ извѣстна изъ могильниковъ безъ надземныхъ насыпей Тамбовской губ. и др. Въ частности—украшенія, основу которыхъ составляетъ треугольникъ съ привѣсками, прикрѣпленными къ послѣднему цѣпочками, типичныя для названныхъ могильниковъ Европейской Россіи, встрѣтились и въ означенныхъ курганахъ [25]). Въ 1893 году въ первый разъ открыта была пара серебряныхъ подвѣсокъ, сюльгамъ съ цѣпочками (по 2 на каждой половинѣ), которыя заканчивались дутой металлической бусиной (Дн. 1893 г., № 105); рисунокъ ихъ изображенъ на стр. 26 отч. И. Арх. К. за 1893 годъ.

Домашняя утварь.

8) Домашняя утварь въ раскопкахъ Муранскаго могильника представлена въ слѣдующихъ предметахъ:

а) глиняные горшки,
б) обломки металлическихъ зеркалъ,
в) огнива и кремни,
г) винтовой висячій замокъ,
д) пряслицы,
е) дѣтскія игрушки,
ж) оселки
и з) конская сбруя.

а) Глиняные горшки темно-сѣраго и темно-краснаго цвѣта, за весьма рѣдкими исключеніями, всѣ плохо обожженые, безъ всякихъ знаковъ и рисунковъ, встрѣчаются въ большомъ числѣ. (рис. №№ съ 21 — 28). При разнообразіи

---

[25]) Арх. Из. и Зоол. И. М. Арх. об. за 1895 г., №№ 9—10, стр. 327.

формъ, они указываютъ на знакомство населенія съ кругомъ. Только на одномъ изъ числа болѣе 50 мы встрѣтили весьма слабую попытку на украшеніе въ видѣ отдѣлки края на подобіе бичевки (рис. № 25). Съ ручкой и горлышкомъ встрѣтился одинъ только сосудъ, пріобрѣтенный нами покупкой, очевидно, имѣвшій назначеніе вмѣщать въ себѣ жидкость (рис. 23). По срединѣ его проведены въ три ряда полоски, и затѣмъ другихъ украшеній не имѣется. Немало попадалось горшковъ съ ушками, служившихъ, какъ надо думать, для вмѣщенія воды и подвѣшиванія (рис. 21). Въ ушки пропускалась бечевка, и въ такомъ висячемъ положеніи сосудъ служилъ въ жиломъ помѣщеніи для умыванія. Примѣры подобныхъ приспособленій можно встрѣтить и до сихъ поръ въ крестьянскомъ быту Симбирской губерніи, а у инородцевъ въ особенности. Одна изъ формъ глиняной посуды, въ видѣ глубокаго поддонка, встрѣчается довольно часто и, вѣроятно, имѣла назначеніе современной чашки для помѣщенія каши или какихъ-нибудь другихъ густыхъ кушаній) рис. 27, Дн. 1892 г., № 54). Глиняная посуда, какъ похоронная принадлежность, была общая, и различіе замѣчается только въ размѣрахъ. Въ дѣтскихъ могилахъ ставилась обыкновенно посуда малыхъ, а взрослыхъ—большихъ размѣровъ. Положеніе ихъ въ погребеніяхъ различно. Одни ставились въ головахъ (Дн. 1892 г., № 77), другіе въ ногахъ (Дн. 1892 г., №№ 6—66), встрѣчались внутри гробницъ, но чаще всего надъ ними (Дн. 1893 г., № 67). Что особенно обращаетъ на себя вниманіе въ муранскихъ горшкахъ, это—присутствіе въ нѣкоторыхъ изъ нихъ птичьихъ, повидимому, куриныхъ костей, не болѣе, обыкновенно, 3 или 4-хъ. Объясненіе этого похороннаго обычая мы находимъ въ аналогичныхъ религіозныхъ воззрѣніяхъ на курицу у современныхъ намъ черемисъ и мордвы. Проф. Смирновъ въ своемъ историко этнографическомъ очеркѣ о черемисахъ замѣчаетъ,

что рядомъ съ фактами, говорящими о томъ, что умершій сохраняетъ всѣ потребности живого человѣка и продолжаетъ за гробомъ существованіе, тождественное съ земнымъ, слѣдуетъ поставить еще одинъ: отправлявшемуся въ другую жизнь грозитъ, по вѣрованіямъ черемисъ, опасность умереть, уничтожиться. Для предотвращенія этой опасности передъ выносомъ покойника изъ дома колятъ курицу, кровью которой онъ долженъ откупиться отъ смерти [26]). О символическомъ значеніи курицы при погребеніяхъ у мордвы упоминаетъ въ своей статьѣ «Инсаръ и его уѣздъ» Н. В. Калачевъ. Онъ говоритъ, что еще очень недавно совершался послѣ христіанскаго погребенія обрядъ у мордвы состоявшій въ томъ, что родственники и знакомые покойника, разрывъ нѣсколько землю, которая покрывала могилу, клали туда табакъ, куричью ногу, зайца и другіе припасы, поливъ ихъ виномъ и пивомъ. Затѣмъ присутствующіе при поминовеніи надѣлялись этими припасами и, между прочимъ, непремѣнно куричьей ножкой [27]). Аналогичные глиняные горшки встрѣчаются и въ Лядинскомъ могильникѣ въ одинаковомъ расположеніи въ ногахъ и у головы усопшихъ [28]). Слѣдуетъ еще упомянуть объ одной особенности, встрѣченной въ могилѣ № 27 (Дн. 1893 г.), гдѣ открытъ былъ у костяка въ ногахъ горшокъ, въ которомъ еще находился второй маленькій глиняный сосудъ, напоминающій формой небольшой бурачекъ. Въ раскопкахъ 1891 г. въ мужскомъ погребеніи № 31 вмѣстѣ съ ножомъ открытъ былъ всего одинъ черепокъ чернаго цвѣта отъ горшка не обожженаго, съ вдавленнымъ рисункомъ извѣстнаго «геометрическаго

---

[26]) Изв. Каз. Общ. А. И. и Эт., т. II за 1888 г., стр. 120.

[27]) Арх. Историко-Юрид. Свѣд., отн. до Рос., изд. Н. В. Калачева. Москва, 1855 г., т. 2, стр. 43.

[28]) Мат. по Арх. Рос., изд. И. А. К. № 10., изд. 1893 г., стр. прил. 8 и 12.

стиля» (рис. 29). Болѣе подобныхъ находокъ не повторялось. Весьма загадочнымъ представляется его единичное, какъ бы запоздалое присутствіе въ столь многочисленныхъ погребеніяхъ позднѣйшей эпохи.

б) Встрѣченныя обломки металлическихъ зеркалъ относятся къ женскимъ могиламъ 1893 г. Хотя находки металлическихъ зеркалъ въ предѣлахъ владѣній древнихъ булгаръ и не представляются особенно рѣдкими, тѣмъ не менѣе на Муранскомъ могильникѣ мы встрѣтили, за исключеніемъ пріобрѣтенныхъ еще 2-хъ фрагментовъ ранѣе покупкою, въ первый разъ. Извѣстный знатокъ булгарской старины А. Ѳ. Лихачевъ считаетъ, что большинство зеркалъ, которыя здѣсь находятъ, относятся къ эпохѣ мусульманской и, безъ сомнѣнія, заходили сюда посредствомъ торговли съ арабами. Ихъ арабское происхожденіе доказывается куфическими надписями, которыми онѣ украшались. На зеркалахъ эпохи Джучидовъ всего чаще попадается изображеніе двухъ плавающихъ среди волнъ рыбъ. Г. Лихачевъ полагаетъ, что сюжетъ этотъ заимствованъ изъ китайской орнаментаціи, какъ это можно заключить по характеру передачи [29]). Въ виду изображенія рыбьихъ хвостовъ на фрагментѣ муранскаго зеркала, онъ долженъ быть отнесенъ къ этой же эпохѣ. Врядъ ли только зеркала здѣсь имѣли назначеніе служить туалетною принадлежностью, такъ какъ нахожденіе ихъ крайне рѣдко; скорѣе это были нѣчто въ родѣ талисмановъ, съ обладаніемъ коихъ связывалось столько чудеснаго.

в) Кремни и огнива встрѣчаются сравнительно часто (Дн. 1893 г., №№ 70 и 81) въ могилахъ мужскихъ у лѣваго бедра. Назначеніе ихъ для полученія огня извѣстно (рис. № 30).

г) Открытый въ 1892 г. (Дн., № 55) желѣзный винтовой

---

[29]) „Скиѳскій слѣдъ“, А. Ѳ. Лихачева. Из. Каз. О. за 1888 г., стр. 5.

висячій замокъ безъ ключа, хорошо сохранившій свою форму, находился въ мужской могилѣ около пояса (рис. № 31). Весьма схожій съ этимъ замкомъ былъ открытъ въ Лядинскомъ могильникѣ и описанъ въ дѣлѣ Императорской Археологической Коммиссіи 1869 г. за № 20—«О древностяхъ, найденныхъ на Тамбово-Саратовской желѣзной дорогѣ».

д) Глиняныя пряслицы (pesons de fuseaux) въ муранскихъ могилахъ встрѣчаются очень часто и различныхъ величинъ и цвѣта (рис. №№ 32, 33 и 34). Извѣстно ихъ широкое распространеніе у насъ и въ западной Европѣ, при чемъ опредѣленное назначеніе ихъ пока еще остается загадочнымъ. Изъ того, что онѣ встрѣчаются у пояса и у шеи остова, можно заключить, что эти глиняныя кружки, наподобіе бусъ, могли носиться и на шеѣ. Въ описываемомъ могильникѣ они встрѣчаются въ могилахъ мужскихъ, женскихъ и дѣтскихъ (Дн. 1890 г., № 24 и Дн. 1891 г., №№ 4 и 25).

е) Для дѣтской забавы клались съ усопшими въ гробъ около ногъ бараньи кости, извѣстныя въ народѣ «козны», о чемъ мы упоминали при описаніи двойного погребенія матери съ ребенкомъ (Дн. 1893 г., № 108).

ж) Оселки (бруски) открыты были въ нѣкоторыхъ могилахъ (Дн. 1893 г., № 6) возлѣ пояса и составляли принадлежность мужского погребенія. Оселокъ имѣетъ отверстіе для пропуска шнурка, на которомъ онъ подвязывался къ поясу;

и з) Принадлежности конской сбруи являются довольно рѣдкимъ приложеніемъ въ мужскихъ погребеніяхъ Муранскаго могильника. Не говоря о полномъ отсутствіи стремянъ, желѣзныя удила встрѣчаются частями, а потому трудно вывести какое-нибудь заключеніе объ ихъ формѣ. Что попадалось неоднократно, это—желѣзныя нагрудныя бляхи, вѣроятно, составлявшія существенную принадлеж-

ность конскаго убора (рис. № 35). Болѣе полное украшеніе представляетъ «могила всадника» (Дн. 1892 г., № 12). Къ предметамъ неопредѣленнаго назначенія слѣдуетъ отнести небольшую металлическую рамку съ частію сохранившейся съ одной стороны кожи (Дн. 1891 г., № 79), напоминающую современный бумажникъ. Въ могилѣ № 50 (Дн. 1892 г.) у пояса найдена вещь, состоящая изъ двухъ шариковъ, нанизанныхъ на палочкѣ, сплошь перевитыхъ по способу косъ тонкимъ ремнемъ съ серебряною проволокою. Въ числѣ древностей домашняго обихода замѣчается отсутствіе, за исключеніемъ бусъ, предметовъ изъ стекла. Отсутствіе стеклянной посуды замѣчено и въ раскопкахъ Булгара на Волгѣ, о чемъ упоминаетъ А. Ѳ. Лихачевъ въ своей статьѣ «Бытовые памятники Великой Булгаріи», напечатанной въ Трудахъ II Археологическаго Съѣзда.

Монеты.

9) Весьма важнымъ опредѣленіемъ времени, къ которому мы должны отнести Муранскій могильникъ, являются находимыя при остовахъ монеты. Въ первый годъ раскопокъ въ изслѣдованныхъ погребеніяхъ монетъ не встрѣчалось; но съ 1891 года открытіе ихъ сдѣлалось довольно обычнымъ. Монеты попадаются, какъ въ мужскихъ (Дн. 1892 г., № 50), такъ женскихъ (Дн. 1891 г., № 8) и дѣтскихъ (Дн. 1891 г., № 5) могилахъ. Положеніе ихъ общее—около кистей рукъ, и иногда онѣ встрѣчаются завернутыми въ тряпку, какъ это оказалось въ погребеніи № 50 въ раскопкахъ 1892 г. Нахожденіе ихъ въ рукахъ усопшихъ отвѣчаетъ отчасти похоронному ритуалу, описанному еще Ибнъ-Даста [30]), и находитъ себѣ объясненіе въ до сихъ поръ су-

[30]) Хвольсонъ. Изв. Ибнъ-Даста о хозарахъ. С.-П.-Б , 1869 г., стр. 40 и 513.

ществующемъ обычаѣ у черемисъ. Г-жа Троицкая въ статьѣ о черемисахъ Арбанской волости, Казанской губерніи, говоря о мѣстныхъ похоронныхъ обычаяхъ, замѣчаетъ, что на средній палецъ правой руки покойника привязываютъ монету для выкупа его на томъ свѣтѣ [31]). Обычай класть съ усопшимъ монеты въ руки, повидимому, практиковался и въ могильникѣ Лядинскомъ, о чемъ свидѣтельствуютъ раскопки г. Ястребова [32]). Вообще это религіозное воззрѣніе ведетъ свое начало изъ глубокой древности. Плата классическому Харону за перевозъ тѣней умершихъ черезъ адскія рѣки создала и у древнихъ грековъ обычай класть одинъ оболъ умершему въ ротъ. Тождественный обычай класть въ ротъ усопшему монету открытъ былъ гр. Уваровымъ у мерянъ [33]). Въ числѣ монетъ, открытыхъ въ муранскихъ погребеніяхъ, встрѣчаются золотоордынскія слѣдующихъ хановъ: Узбекъ ханъ, Старый Сарай (731-1330), Джанибекъ ханъ, Новый Сарай (747—1346), Бердибекъ ханъ (759—1359) и Тимуръ Хаджа ханъ (759—1359). Изъ общаго числа 32 открытыхъ монетъ серебряныхъ 12, остальныя мѣдныя.

Оружіе.

10) Оружіе на Муранскомъ могильникѣ представлено всего въ двухъ видахъ—топоръ и ножъ. Топоры, всѣ желѣзные, имѣютъ до 8 весьма схожихъ измѣненій (рис. №№ 36, 37, 38, 39 и 40), между которыми нѣкоторые составляютъ исключительную принадлежность мужскихъ погребеній и находятся различно—въ ногахъ или сбоку. Не представляя въ своихъ формахъ какихъ-нибудь отличій отъ общеизвѣст-

---

[31]) Изв. Каз. Общ. А. И. и Эт., т. XI, вып. I, изд. 1893 г., стр. 77.

[32]) Мат. по Арх. Рос., изд. И. А. К., № 10, изд. 1893 г., стр. 11.

[33]) Тр. 1 Арх. Съѣзда 1869 г., т. II, стр. 638.

ныхъ въ другихъ могильникахъ, мы не считаемъ необходимыхъ далѣе на ихъ описаніи останавливаться и переходимъ къ ножамъ. Послѣдніе справедливѣе было бы отнести къ предметамъ домашней утвари: такъ мало они представляютъ характерныхъ признаковъ оружія (рис. №№ 41, 42, 43 и 44). Всѣ ножи, открытые въ нашихъ раскопкахъ, не составляя исключительнаго достоянія мужскихъ погребеній, нерѣдко встрѣчались и въ женскихъ (Дн. 1891 г., № 98). Положеніе ихъ наблюдалось съ правой стороны головы и у праваго плеча; рѣже въ ногахъ. Ножи, всѣ желѣзные, узкой, удлиненной формы, встрѣчались по одному въ могилѣ, а въ нѣкоторыхъ и по два (Дн. 1892 г., № 7). Въ 1893 г. въ погребеніи № 41 открыта была часть костяной рукоятки съ характернымъ узоромъ симметрично расположенныхъ кружковъ и точекъ вмѣстѣ съ костянымъ подножикомъ (рис. № 45). Въ недавнее еще время подобные складные ножи носились крестьянами на поясѣ. Въ нѣсколькихъ могилахъ встрѣчена была выгнутая форма ножа, напоминающая современный серпъ; но въ виду ихъ малыхъ размѣровъ врядъ ли можно имъ приписать это назначеніе (Дн. 1891 г., № 51).

Столбы.

11) Въ 1892 году около одной изъ могилъ (Дн. 1892 г., № 44) мужскихъ усмотрѣно было основаніе деревяннаго столба, стоявшаго въ головахъ. Размѣръ его въ діаметрѣ былъ въ $2^1/_2$ вершка. При костякѣ никакихъ вещей не открыто. Появленіе столбовъ въ этомъ году въ первый разъ оказалось къ одному мѣсту на с.-в. сторонѣ могильника и повторилось всего не болѣе пяти - шести разъ. Вопросъ о постановкѣ на могильникахъ столбовъ весьма интересенъ. На бывшемъ Виленскомъ Археологическомъ Съѣздѣ (1893 г.) онъ вызвалъ весьма живой обмѣнъ мнѣній по поводу най-